

Александр Карнишин

БУДНИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

Не дневниковые записи

Александр Карнишин

**Будни директора школы.
Не дневниковые записи**

«Издательские решения»

Карнишин А.

Будни директора школы. Не дневниковые записи /
А. Карнишин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749757-6

Это не дневник, и даже не дневниковые записи. Но все это было на самом деле в то время, когда автор работал директором школы в районном центре.

ISBN 978-5-44-749757-6

© Карнишин А.
© Издательские решения

Содержание

«А за окном стоит весна. Весна по имени Светлана...»	6
В самом начале	9
«Дети подземелья»	10
Адаптация	11
Кабинет директора	12
Анкеты	14
Мелкие проблемы	16
Привет, директор!	17
Директор должен быть мужчиной	18
Холодно зимой	19
Булавка	22
Актный зал	23
«Прогульщица»	25
«Что сразу выгонять-то?»	28
...И хитрить приходилось, а как же!	30
«Плохое отношение»	33
Не царское дело...	35
Литература в школе... А для чего она?	36
Гражданская оборона	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Будни директора школы
Не дневниковые записи
Александр Карнишин**

© Александр Карнишин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«А за окном стоит весна. Весна по имени Светлана...»

*«Ты стоишь у окна, небосвод высок и светел.
Ты стоишь и грустишь, и не знаешь, отчего.
Оттого, что опять он прошел и не заметил...»*

Вот привязалась песенка с утра. Музыкант наш, как включил утром трансляцию на всю школу, так хоть подпевай до вечера теперь...

На доске – темы сочинений, за окном дождь и холодно, как всегда почти в этот день. На столе – пачки книг, принесенных из школьной библиотеки, чтобы наши бедные дети могли воспользоваться ими в процессе написания экзаменационного сочинения. Я прохаживаюсь между столами, поторапливая с выбором темы.

Конечно, времени им дается – выше головы. Написать сочинение за такое время можно, даже не зная материала. Но школьники и школьницы – это не простые люди. У них нервы. У них паралич головного мозга. Они синеют от холода, закутавшись в шерстяные свитера, и потеют от внутреннего жара в легких футболках. Им страшно. И весело. Первый экзамен. А их еще и напугали предыдущие выпуски рассказами, как я сам читал все их сочинения и выписывал себе что-то, а потом веселил педсовет «перлами»...

...Что там за шум в коридоре? Что такое? Куда?

– Всем сидеть и писать! Я скоро вернусь.

Ну что же ты, Наташ... Мы сидим в медпункте. Ее «откачали» – дали понюхать нашатырного спирта. И теперь синяя от волнения и холода девчонка пьет горячий сладкий чай, согревая себя изнутри. Ну, жить будешь? Придумала тоже – падать в обморок на письменном экзамене. Что, темы сложные? Нет? Ну, так давай, полежи еще минут двадцать, да возвращайся в класс. Хорошо? Кивает, пытается улыбаться. Медсестра шепчет, что все будет в порядке.

*«Никуда не деться – годы не вернуть.
Покидает детство всех когда-нибудь.
Парта школьная мне снится,
Из задачника страница...»*

А вот все не так. Школа мне снилась, точно. Было. Но не парта, не страница из задачника, даже не учителя, которых помню, действительно... Снились, и снятся и теперь наши коридоры, актовый зал, школьный двор. Снятся перемены и праздники. Но никогда – уроки. Уроки стали сниться только теперь, когда поработал немного в школе. И снится та школа, которую закончил давным-давно, но будто я именно в ней теперь работаю. И хожу-хожу-хожу этими коридорами, лестницами, переходами. А за окном почему-то во снах всегда май-июнь. Всегда синее-синее небо, всегда солнце и зелень.

Школа у нас была небольшая. Всего два этажа. В центре каждого этажа большой зал, по одной стороне классы, а по другой – окна во двор. Тут мы прогуливались с друзьями на перемене, стараясь как-то так успеть в класс, чтобы завуч или директор не перехватил и не отправил в парикмахерскую. Была настоящая борьба за правильный внешний вид и правильную прическу. И если внешний вид у нас у всех был вполне себе правильный – костюмчики, некоторые даже при галстуках – то вот прически... У меня, например, чуб, когда я кивал, доставал до подбородка. А когда я поднимал голову, то волосы сзади ложились на плечи – и это при моей длинной-предлинной шее. Какое слово кончается на три буквы «е»? – смеялись родители. «Длинношеее!»

Однажды директор встал с завучами стеной прямо при входе в школу и просто не пускал в класс никого из парней с такой прической. Нас втаскивали друзья в окна со стороны двора прямо перед началом урока. Поэтому мне сцена с Леоновым в «Большой перемене», когда он влезал через окно, была не смешна, а вполне понятна и привычна – да, именно вот так в класс и попадали, если нельзя было по-другому.

– Та-а-ак! Тишина в классе! Не мешаем друг другу! Что? Книгу? Можно. Свою? Зачем? Тут лежат все книги, которые могут использоваться. Ничего больше вам не надо... Всё. Перекусить? Голодные все? Хорошо. Через полчаса родители вас покормят.

Вот ведь, голодающее подрастающее... А забыли, как почти весь день однажды просидели в школе? И есть ведь не хотелось.

Приехали из областной милиции. Рассказали, что в соседнем городе крепко побили наших бывших выпускников, учащихся местного колледжа. Выпускников не только нашей школы, а всех четырех школ города. И есть, мол, оперативная информация, что сегодня все старшеклассники собираются ехать устраивать «великую мстю». И та сторона, мол, тоже готовится. То есть беспорядки могут быть такими массовыми, что сил местной милиции может просто не хватить.

Вы уж задержите их, просили товарищи в форме. Своих хотя бы не пустите в драку. А уж мы там проведем следствие, накажем виновных...

И мы организовали все подряд: и спортивные соревнования, и смотр самодеятельности, и репетицию последнего звонка, и еще баскетбол, и еще репетиции. Побоища не случилось, но шум потом был немаленький. Еще бы, голодные дети весь день провели в школе...

*«Пройди по тихим школьным этажам.
Здесь пройдено и понято немало.
Был голос робок, мел в руке дрожал...»*

Первые месяцы работы были просто кошмарными. Вести уроки после кого-то. Тебя не понимают. Пытаются заучивать целые страницы учебника наизусть. Боятся. Замыкаются. Звонки родителей, что дитё, мол, настолько запугано, что кроме моего предмета ничего больше и не учит, а ему все равно – тройку. А всего через полгода они прибегали ко мне после последнего урока и спрашивали, можно ли будет прийти сегодня.

– Можно, – говорил я. – Ко мне можно всегда, когда я на месте.

Мы уходили в пионерскую комнату или в какой-нибудь класс поменьше, поуютнее, и там говорили, говорили, говорили об истории, о литературе, о культуре, о политике, о жизни, о прошлом и будущем. Расходились в восемь-девять вечера, и я плелся домой, усталый и мокрый насквозь после проведенных уроков, да еще бесед с учителями, а потом таких вот собеседований (именно со-беседований, потому что именно беседовали, а не слушали лекции).

И каждый раз так жалко отпускать их, таких привычных уже, таких – «своих». И всегда говоришь им правду: что никого не было лучше, чем они, что мы их всех запомним, что нам повезло с ними...

Вот и сейчас. Пройдет меньше месяца – и выпускной вечер. И в сентябре они придут только показаться на «первый звонок», поздороваться, пройти по школе, снисходительно посматривая на теперешних старшеклассников, рассказать что-то, шепнуть, может быть, пару слов благодарности. Тихонько шепнуть, чтобы никто не увидел и не подумал чего...

Потом мне скажут: они вас ждали возле кабинета, ждали, а вас все не было и не было. Ну, и правильно. Я в это время сидел со «своими» новенькими будущими выпускниками. Знакомился. Объяснялся. Рассказывал.

«Десятый класс. Молчит звонок.

*Сидишь ты грустный, чуть не плача.
Так долго тянется урок,
И не решается задача...»*

Надо будет сказать, чтобы включили музыку в три, после окончания экзамена. Пусть поиграет потихоньку, пока будем прятать сочинения в сейф и закрывать школу. Да и завтра, если никто не будет возражать – пусть будет музыка.

В самом начале

– Зайди, – прозвучало в телефонной трубке.

Сейчас не каждый поймет, каково это – услышать распоряжение лично от первого секретаря горкома. А тогда – блокнот, авторучку, заглянуть в настольный календарь, не упустил ли чего – и вперед, «на ковер» к руководству.

– Заявление писал?

– Да. Но вы сказали – поработать еще.

– Может, работу себе подыскал хлебную?

– Ну, что вы... Я еще и не искал даже.

– Угу. Ну, вот твое заявление. Забирай.

– Это, вроде, как-то не по закону? – спросил очень осторожно, но с намеком.

– Пойдешь работать в школу. У тебя же университет? Историк ты у нас? Вот и пойдешь. Директором. Есть у нас такая школа... Ну, ты в курсе. Опять она без руководства. В общем, назначаем, посылаем, будет решение бюро, имей в виду. И чтобы оттуда жалоб больше не было. Понял?

– Так точно, – ответил по-военному.

А что терять? Все равно собирался уходить. Хоть и говорят, что по собственному желанию из горкома партии не увольняются, но законы для всех – одни. Написал заявление и ждал, что скажут. Вот – сказали.

...

Этим же вечером нового директора представляли коллективу школы. Заведующая Гороно и первый секретарь горкома комсомола, как член бюро. В учительской сидела мрачная толпа тепло одетых женщин. Мужчины – двое или трое – сидели в самом конце.

– Горком доверяет новому директору..., – это уже «комсомолка» декламировала четко и громко, как с трибуны.

До этого заведующая Гороно прочитала короткую сухую биографию, представила, подтолкнула уже по-свойски вперед. Вот, мол, вам. Получите и распишитесь.

– Вопросы будут?

Откуда-то из-за спин прозвучало с явной усмешкой:

– Как долго вы собираетесь у нас работать?

– Лет пять, шесть, как минимум. Так я думаю. И постараюсь, чтобы школа стала лучшей.

– Ну-ну...

Больше вопросов не было.

«Дети подземелья»

– А тут что у вас за... Блин, – чуть не поскользнулся он на красной сырой глине в глубокую пузырящую зеленой пеной вонючую лужу.

– Да, тут, это, засор был. Так, чтобы пробить, пришлось выламывать окна в чугуине...

– Это что, вот это вот – слив? Сверху? И вот такие дыры? И все в подвал?

– А чего еще сделать? Тут же всю систему менять иначе надо...

– Ладно мне анекдоты-то рассказывать про систему. А где тут тепло?

– Вот там вход и задвижка, – метнулся луч фонарика.

В подвале стоял крепко пахнувший аммиаком и гнилой капустой туман, похожий на тот, что раньше всегда стоял в общественных туалетах по зиме. И скользко было почти так же. Только не гладкая плитка под ногами, а глина, неровно выбранная при строительстве экскаватором.

– Задвижка, вроде, открыта...

– А кто ее закрывал бы? Подвал же под замком.

– Чего же тогда холодно в школе?

– Дык, циркуляции нет. Давит, понимаешь, и снизу, и сверху. Одинаково давит. Надо, чтобы в обратке давление ниже было.

– ...И как это сделать?

– А вот так, например, – резиновые сапоги выше колена шлепают по воде, и через минуту раздается журчание воды. – Вот так. Открываем слегка кран, вода из системы уходит, давление, стало быть, понижается, начинается циркуляция.

– Уходит – в подвал? Вот прямо сюда?

– А что ему сделается? Вон, – луч фонарика снова чиркает по стенам. – Вон, какой уровень тут был раньше-то.

– Вот это – уровень воды? Как же тут все не завалилось?

– А, хрен его знает. Стоит вот... Пошли дальше, там второй кран, с того конца.

– А как тут...

– По краешку, по краешку можно, а то зачерпнешь тут... Говнища разного...

Наверху слышен рев спускаемого бачка, из продырявленных чугунных труб во все стороны бьют фонтаны.

– Во! Но это только когда гидравлический удар. А так-то не течет, нет.

Сапоги опять шлепают куда-то в угол, раздается шипение, а потом журчание воды.

– А тут вот еще и воздух... Придется опять по верхнему этажу пройти, попускать, значит, воздух этот. А то все равно не пройдет горячая-то...

– А тут что еще за дверь? Куда?

– А это вон, в тот колодец выход, в воздухозабор для бомбоубежища.

– Это что, у нас тут еще и бомбоубежище? Да пусть лучше сразу под бомбу, чем в таком сидеть...

– Ничо-о-о... Жить захочешь, не то, что сидеть – нырнешь с головкой!

– Ладно, краны пооткрывали, обратку спустили... Пошли наверх, проверить теперь надо батареи...

– И толчки, толчки проверить надо! Я тебе не показывал, чего они только в толчки не суют? Пошли, покажу...

– Н-да... Ну, пошли...

Рабочий день директора школы был в самом разгаре...

Адаптация

– А вы, собственно, ничего, быстро адаптировались.

Завуч, пожилая и опытная, не скрывающая обильную седину во взбитых волосах, с любопытством смотрела на директора школы.

– Вы знаете, предыдущий-то наш директор долго еще говорил об учителях: вон та тетка, как ее... Или эта тетка, ну, которая...

– Да я тоже почти так. Из отпуска вышел, и не помню – кого и как зовут. То есть, представляю, что вот та... Как он говорил, тётка, да? Та тётка – математику ведет, а эта вот тётка – мой завуч, – рассмеялся директор.

– Ну, а что, – кокетливо поправила та прическу. – Тётка и есть. Не дядька же. И все же, не принимайте за лесть – быстро вы. Девочкам нравится, что вы всех по имени-отчеству знаете.

Директор покивал головой, восхищаясь молча собственной предусмотрительностью. Как ученики записывают в дневник в начале каждого учебного года всех своих учителей с именами и отчествами, так и он в свою рабочую тетрадь вклеил копию тарификации. Не всю, а вырезку, где основные данные. Еще и номера кабинетов проставил. А классы и предметы в тарификации были расписаны.

Перед тем, как выйти из кабинета, продумывал свой маршрут по коридорам школы и специально заглядывал поначалу, пока всех не выучил, в эту тетрадку. Тогда можно было зайти в кабинет английского языка, поздороваться с улыбкой, назвать по имени и отчеству. Спросить, не надо ли чего. Потом – в историю или в литературу. Показать: директор здесь. Директор всех знает. А раз всех, то и всё знает. Психология, так ее.

Кабинет директора

Кабинет директора был большой, как обычный школьный класс. Длинный полированный стол пересекал его вдоль. У длинной стены стояли стулья, на которые можно было посадить человек сорок. Два огромных окна. Какие-то рулоны материи. Какие-то ящики по углам. В отдельной выгородке – место для секретаря.

– А вот это – мое! – с победным возгласом учительница географии потянула рулон черной материи за собой. – Это – для штор, для просмотра фильмов!

Директор школы оторвался от бумаг, которые ему подсовывали на подпись, посмотрел, не видя ничего и никого, снова уткнулся в документы.

– И вы должны вести часы, – задумчиво сказала пожилая завуч.

– Это, что, часы у кого-то отбирать? Да не нужны мне часы. Я буду администратором. Буду тут все разбирать.

– Я это унесу? – спросил физик, поднимая одну из коробок. – Это мое.

– Да-да..., – кивнул директор школы. – Конечно. Чье тут еще и что?

Были еще коробки с мелом, какие-то пакеты, картонки...

– Вы это зря, – строго сказала вторая из завучей. – Вы так все запасы растратите.

– Но это же для уроков? Что оно все тут делает?

– Кстати, об уроках... Вы просто обязаны их вести. Иначе – никакого авторитета среди учителей. Да и детей лучше узнаете. И вообще, в коллектив вольетесь. Кстати, предыдущий директор вел историю. Так что вы ни у кого ничего не отнимаете.

– Ну, раз так надо...

– Надо!

Вмешалась вторая:

– И кстати, у нас тут две смены. Так что вы должны вести уроки в обеих.

– А что, не хватает помещений?

– Да мы и в две смены – еле-еле! Учителя приходят в восемь утра и уходят в восемь вечера! А что поделаться... Такая работа. Но вы привыкнете.

– Так, если не хватает места... Скажите, а мы могли втроем сидеть в меньшем помещении? Ну, в другом кабинете? Это же – типичная классная комната. Где-то тут у меня паспорт школы с поэтажным планом... Вот! Откуда тут кабинет директора? Тут – кабинет истории! Вот же!

Завучи смотрели неодобрительно.

– Во-первых, это ваш авторитет. Во-вторых, в этом кабинете, что вы показали на плане, там сейчас сидит завуч по внешкольной работе. Она позже подойдет.

– Так вот же на плане ее кабинет...

– А это – кладовка! Там у нас краска и инструменты.

– Ничего не понимаю. Каждый сидит не там, где положено, а вести уроки негде – и вот вам две смены...

– Думаете, это так легко – распределить кабинеты и предметы?

Молодой директор школы так не думал. Но вот перед ним лежал поэтажный план, и можно было посчитать кабинеты и прикинуть, сравнить с расписанием.

– Вот же, смотрите, здесь делаем еще один класс, так? Получается у нас всего – вот столько. А теперь смотрим на количество уроков по расписанию. Так еще и свободное место остается!

– Это маленькие кабинеты иностранного языка. Там по половине группы занимаются. Так что их – два за один.

– Так, а если, значит, вот так и вот так?

Тут уже и завучи включились в старинную игру «пятнашки», передвигая классы и часы. Через полчаса они признали.

– Да, можно перейти в полторы смены.

– А в одну?

– Ну, если этот кабинет... И если какой-то класс чуть раньше иногда, какой-то – чуть позже...

– Но ведь все равно уложимся до двух часов? Вот и одна смена, практически! И всего-то дел...

– А ремонтные работы?

– А шефы на что? Обещали всяческую помощь.

– А кладовку куда?

– А это вопрос уже не учебной части, нет?

...

Через неделю директор обживал новый кабинет. Маленький, на два стандартных письменных стола и три стула вдоль стен. А больше ему и не нужно было.

Еще через неделю в полностью отремонтированную бывшую кладовку переместился завуч по воспитательной работе.

А все инструменты и краску и какие-то нужные в хозяйстве вещи переместились туда, где и было написано на плане: «Кладовая».

А еще через два дня на стене учительской появилось новое расписание.

Как оказалось, все «влезло». Завучи сумели разбросать по кабинетам и часам все классы. Школа перешла на работу в одну смену.

Анкеты

– А может, не надо было все-таки это вывешивать? – осторожно спросила завуч, прислушиваясь к шуму и выкрикам из учительской.

– Еще как надо! А то, ишь, все у нас королевы самые настоящие! Никого не замечают, молодежь гнобят... Пусть почитают. Пусть..., – директор школы тоже прислушивался, но с довольной улыбкой.

– Что? – встрепенулась она. – Жаловались, что ли?

– Молодые-то? Не жаловались. Но у меня глаза есть. А жаловаться ко мне только эти ходят... Королевы...

– Вони бу-у-удет...

– А ничего. Пусть пошумят, пусть поговняются. Вон, на педсовете еще оглашу, вслух, с подробными объяснениями, чтобы всем ясно стало.

В марте еще, в самом начале весны, директор разработал небольшую анкетку-опросник для старших классов. Ничего заумного, ничего непонятного. Если уж вопрос о работе учителя, то так, чтобы учителя не задеть. То есть, вопрос больше касался предмета. Например, насколько понятна физика или математика, насколько понятна история или литература. Интересно ли на уроках? Насколько интересно? Кто из учителей наиболее авторитетен в этом классе? А кто – более любим? Или это один и тот же учитель? Чьи уроки запоминаются, на чьи идешь с удовольствием? Кто из учителей дает больше для предстоящих экзаменов – выпускных и вступительных? Ну, и еще, еще, еще. Но все – о хорошем и лучшем. Ни слова о плохом. Анонимные, совершенно анонимные анкеты, где нужно было только ставить галочки, да подчеркивать ответы.

Раздал анкеты директор через свой «актив»: завучи, старшие пионервожатые. И тут же собрал. Давал пачку на перемене, десять минут – и она возвращалась. Отказавшихся заполнить анкету практически не было. Правда, в некоторых классах старались все пометки на них делать одной и той же шариковой ручкой – «на всякий случай». Ну, и еще при сдаче этой пачки учителям школьники ее тщательно перемешивали, чтобы не мог никто узнать, где и чьи ответы.

Еще неделю директор по вечерам дома разбирал бумажку к бумажке, с помощью компьютера и составленных им таблиц обрабатывал результаты. В школе уже и забыли, что какое-то анкетирование было... И тут он принес целую брошюру – листов пятнадцать машинописного текста – и повесил на гвоздь в учительской возле расписания.

Ох, что началось уже на первой же перемене!

– Та-а-ак... Это как теперь понимать? Это вот, выходит, эта пигалица – лучшая по предмету? И кто там еще? Ага! Они все в любимчиках хотят быть...

– Да-да, это просто безобразие: чуть поругаешь их, и сразу ты – нелюбимый учитель...

– И зачем это вообще? Кто такое придумал? Опять из Горono фигню какую-то спустили, что ли?

– В демократию играет наш директор... Ох, заиграется. А нам тут еще работать и работать!

А директор сидел рядом, через стенку, и с интересом прислушивался.

«Зашевелились, заинтересовались! Может, и задумаются?»

В конце недели – педсовет. И уже в самом конце его, в разделе «Разное», снова взял слово директор и встал с этими листками в руках, коротенько рассказал, какие были вопросы, каких ответов ждали, и что получилось. А потом предложил задавать вопросы. И тут пошло...

– Зачем вы это делали вообще?

– А разве вам не интересно, как к вам относятся ваши ученики?

– Главное, как я к ним отношусь!

– Ну, почему же... Вот, кстати, у вас очень неплохой рейтинг. Не первое место, но все же в первой пятерке. А нас ведь, учителей, семьдесят человек. Дети понимают, что вы стараетесь работать. Правда, среди любимых вас нет...

– Мы не обязаны всем нравиться! Мы должны их учить, а они – учиться!

Поднялась другая, постарше:

– Скажите, а разве это этично? Ведь дети практически ставили нам оценки...

– А когда мы им ставим – это этично? Какая странная жизнь. Вам оценки ставить можно. Им – нельзя. А то, что они все равно оценки ставят – вы как будто и не знали? Только устно и грубо. Эта – дура. Эта – курица. Эта – крыса. Вы помните надписи на столах? Это были ваши оценки!

– Но это же... Это же неправильно, в конце концов!

– Почему? Я дал возможность вам выяснить, что думают старшеклассники о нас. Кстати, вы у них «в авторитете».

– Ой, да бросьте..., – раскраснелась она. – Все равно не самая лучшая. Все равно лучшие – те, кто меньше требуют...

– Да? Может, сравним, кто больше ставит двоек? Вот вас и меня – сравним?

– Ну, вы – другое дело... Вы – директор. Они вас и поставили на первые места.

– Нет. Смотрите: авторитет у меня высокий, судя по анкетам, а учитель я – еще не самый лучший. И это дает мне знания, что и как исправлять в своей работе.

– И все же, скажите, зачем вы так с нами?

– Не с вами! А – вам. То, как школьники к нам относятся, они и так знают, без наших анкет. А вот вы – знаете ли? Думали, что знаете, а теперь обижаетесь на правду?

– Но они же поставили на первое место молодую!

– Да. Видимо, она нашла какой-то ключик. Правда, авторитета и строгости ей не хватает, так и выходит по анкетам, а учитель из нее – хороший.

– Что ж мне теперь у нее учиться, что ли?

– Ну-у-у... Не учиться, а на урок к ней я лично схожу. И вам рекомендую.

– Я лучше – к вам. А то мои пищат от восторга, судя по анкетам.

– Хорошо. В любое время приходите. Мне будет интересно ваше мнение...

Педсовет закончился, но еще долго шумели и обсуждали учителя итоги первого анкетирования. А некоторые приходили после уроков к директору и с ним вместе сидели, разбирались с оценками, которые вынесли им (им, учителям!) старшеклассники.

Через месяц директор школы поинтересовался у завуча, на которую возложил работу с молодыми учителями:

– Ну, как наша молодежь? Не жалуется?

– Нет, не было ничего.

– И никто не высказывал им ничего по итогам анкетирования?

– Да было пару раз, но я тут прикрутила немного...

– Молодец! А как вообще молодежь к анкетам?

– Им понравилось. Им завидно, что одна – в лучших, а их как будто и не заметили. Хотят в будущем году тоже в лучшие пробиться.

– И это правильно, как говорит наш генеральный...

Мелкие проблемы

– И еще, извините, такой вопрос... Вот, я заметил, вы говорите, когда вызываете к доске «девочка», «мальчик», а по имени почти никого. Это у вас прием такой, что ли?

– Да, я во всех классах веду! У меня головы не хватает на темы урока, а вы еще мне про имена! Не запомню я их!

– Ну, да, конечно... В школе больше тысячи учеников, половина почти проходит перед вами... Хорошо, я подумаю.

Директор школы тоже вел уроки. Полгода он вживался в школу, всматривался в лица, и многих уже узнавал в лицо, но по именам мог перепутать даже тех старшеклассников, кто ходил к нему на уроки. А, ведь, проблема! Хоть и маленькая...

На ближайшем педсовете маленькая проблема перестала быть ею. Учителя начальных классов поделились своим давнишним опытом: они просто в самом начале года рисовали на листке класс – вид сверху. Вот это – стол учителя. Это – доска. А вот так стоят столы. И затем вписывали имена и фамилии всех учеников в соответствии с тем, кто и как посажен.

– А разве вы их не пересаживаете?

– Пересадили – перерисовали. Что тут трудного? Бумажку нарисовать – трудно, что ли? Пять минут! Зато всех помним и видим!

И, правда. Трудностей особых не было. Тем более что количество столов в стандартных классах-кабинетах было практически одинаковым. Через неделю в каждом классном журнале в самом конце, к обложке, был подложен разлинованный листок с фамилиями и именами.

Одновременно была решена еще одна, уже не такая маленькая, проблема. Кто не знает, что написано на ученических столах, особенно на последних? А? «Раиса-крыса!». Это про историю. «ФАК ю!». Это на физике. А вот в этом кабинете просто плотно-плотно расписаны чуть не все столы.

В один день, в пятницу, была проведена генеральная уборка. Что можно – отмыли. Что уже не поддавалось мытью – перекрашено.

И в понедельник началось...

Сразу после первого урока учителя прошли по своим кабинетам, посмотрели на парты. Та-а-ак. А вот тут опять какой-то... Что значит – какой-то? Ну-ка, журнал этого класса? Ага. Вот здесь кто. Через минуту виновник стоял перед учителем.

– Ты что тут натворил, а? Мои мелкие, значит, тут отмывали все, а ты, обалдуй великовозрастный...

– А чо вы обзываетесь, а?

– Я обзываюсь? Ты смотри, что ты тут написал! Сейчас к директору, за родителями, и пусть они тогда отмывают за тобой!

– Чо сразу к директору-то? Я и сам..., – он достает из сумки стирательную резинку и старательно вычищает все надписи.

Еще несколько таких случаев было. Один раз все же пришлось приглашать родителей, и они пришли, тщательно отмыли стол после своего отпрыска, а он больше не занимался «настольными росписями» после этого. И – все. Как отрезало.

Проблема оказалась настолько мелкой, что, когда через полгода о ней упомянул директор, никто даже и не вспомнил, как это было еще совсем недавно, когда «настольными росписями» были покрыты почти все столы.

Привет, директор!

Директор с женой шел от школы, которую он только что лично закрыл на замок, положив ключ в карман, в сторону своего дома.

– Во! Это же наш директор школы! – громко раздалось справа, от кучки сидящих на ограждении газона парней. – Привет, директор!

Директор мягко снял пальцы жены со своей руки и подошел поближе:

– Ну, привет, привет..., – он узнал одного из тех, кто был вынужден покинуть школу по его требованию. – И что было так орать-то?

– Здорово, директор, – вскочил тот и протянул руку, оглядываясь на дружков: мол, как я лихо с ним, а?

Директор мгновение помедлил, глядя на пятерню, а потом крепко пожал, и в пожатии, пока сустав был напряжен, резко толкнул от себя. Парень, по-киношному задрал ноги, кувыркнулся через ограду спиной на ярко-зеленый газон.

Под общий хохот директор скучным голосом произнес:

– И сколько тебя еще учить, чтобы не совался первым к старшим с рукопожатиями?

– Ха-ха-ха, – залился и тот, наглый, все еще лежащий на траве. – Крутой у нас директор, правда, пацаны?

– А то! Правильно он тебя воспитывает!

Улыбнулся директор, сделал шаг назад, взял жену за руку, снова положил ее пальцы себе на сгиб локтя, и потянул ее слегка, двинулся в том же направлении, куда шли до этого.

– Ой... А я так испугалась...

– Чего? Это же всё наши... Это – мои.

Директор должен быть мужчиной

– ...Там! ...Он к девочкам пристаёт! На втором этаже! – запыхавшийся восьмиклассник стоял в дверях кабинета директора школы.

– Ну, vedi, – вздохнул директор, поднимаясь из-за стола.

В несколько прыжков они друг за другом по ближайшей лестнице преодолели два марша и выскочили в коридор второго этажа. Там – никого, потому что звонок уже прозвенел, и всех завели в классы.

– Наверное, на третьем!

Еще два лестничных марша – сколько раз за день директор обходил всю школу, поднимаясь и опускаясь по всем лестницам! – и коридор третьего этажа.

– Вон, вон тот!

– Чо ты, пацан? – пьяно улыбаясь, от двери, в которую, заглядывая, приоткрыв, оторвался здоровенный детина и попытался поймать мальчишку, тыкающего в него пальцем. – Чо, подмогу позвал, чо ли?

И захрипел, напоровшись горлом на выставленный локоть директора, опершегося о стену прямо перед его лицом.

– Чо сразу руки-то распускать? Крутой, да? Мент, чо ли?

– Я тебе не мент, бери выше! Я директор этой школы, и нет главнее никого, – распаляя себя, все громче и громче шептал ему на ухо директор, выволакивая за воротник на лестницу и вниз, вниз, на первый этаж.

– Да, какое вы право...

– Я тебе покажу права, я тебе сейчас права-то покажу, вот, дойдем только!

На втором этаже к процессии присоединилась завуч, вцепившись в рукав хулигана, как злобная маленькая собачка.

– Позвонили? – спросил директор.

– Да, сразу. Вы же сказали – сразу звонить, если что...

Совсем недавно, разбирая очередной случай, директор выяснил, что в школе раньше было «не принято» вызывать милицию или устраивать какие-то скандалы. «Шумиха» школе не нужна, как объяснили ему. Все само образуется, объяснили ему. Как-нибудь потихоньку...

Тогда он приказал завучам сначала звонить в милицию, а уж потом звать его или кого еще из редкого мужского педагогического состава. Учеников привлекать? Ни в коем случае! Вот это – как раз нельзя, сказал он. А в милицию – можно и нужно.

– Сидеть, – рявкнул он на пьяненького парня, кидая его на стулья у стены своего кабинета.

– Да я...

– Что? Что – ты? Драться со мной будешь? В моем кабинете? Со мной – драться? – и злыми глазами – в глаза. – Ну? Сидеть, я сказал.

Через пять минут подъехали из милиции, брезгливо подхватили, осмотрели:

– Это не наш. Небось, несовершеннолетний еще. Мы его в инспекцию по делам несовершеннолетних скинем, ага?

– Ну, вам виднее, парни. Как там ваши дела вообще?

– Да, нормально все! Звоните, если что, – и потащили болтающегося у них в руках, сразу увядшего хулигана к машине.

Школа была очень большой. Каждый второй хулиган в городе закончил в свое время именно ее. И каждый второй милиционер – тоже.

Холодно зимой

– Сколько у вас сегодня?

– У меня – четырнадцать. Руки мерзнут.

– Предложения?

– Может, распустим? Все-таки нельзя в такой холод учиться.

– Ага. Распустим... – директор подышал на замерзшие пальцы, угрюмо нахохлившись в кресле в своей черной куртке. – А родители у всех – на работе. А дети – одни. И что мы получим из этого?

– Ну, может, это как-то подействует на исполком?

– Да, плевать мне на исполком по большому счету! Дети-то куда пойдут, спрашиваю? На улицу?

Он еще подумал и скомандовал, вставая:

– Уроки по полчаса. Перемены – пять минут. Письменные работы – минимально. Сообщите всем, идите в учительскую... Я сначала в начальную школу зайду, потом – в подвал, потом – по обстоятельствам.

Сунув руки в карманы, угрюмой черной тенью он проскользнул мимо врывающейся в двери толпы школьников в сторону начальных классов, давно уже отделенных от остальной школы. Учителя, в пальто и шапках, встречали у гардероба малышей и тут же вели их в классы, не давая раздеться: «Холодно сегодня, у нас холодно!»

– Сколько у вас на первом этаже?

– Двенадцать! Что делать-то будем?

– Физкультминутки, побольше игр и движения. Поменьше письма – побольше устного. Ну, а я буду заниматься всем этим.

Он прошел по первому этажу, улыбаясь первоклашкам в цветных куртках, возящихся вокруг недавно установленного прямо в коридоре небольшого спортивного комплекса с кольцами, качелями и лестницами.

В классах батареи были ледяными, от окон, плотно заклеенных, тянуло холодом.

«Эх, – вздохнул он (мысленно, мысленно – на виду-то улыбки и кивание головой направо и налево). – Говорил же, что как только похолодает на улице, так похолодает и у нас... Не верят наши начальники...»

Протиснувшись мимо входящих, директор вышел на улицу, обошел с торца школу и, открыв железную дверь своим ключом, спустился в подвал. Похлопал впотьмах правой рукой по бетонной стене, нащупал выключатель, повернул раз, другой, третий, – есть контакт! Слабый свет озарил подземелье. Директор пощелкал ногтем по стеклу манометров, установленных возле вентилях, но стрелки не шелохнулись. И на вход, и на выход давление было совершенно одинаковым. Можно было открыть снова кран на слив, как-то «оживить» трубы... Но как потом что-то доказывать? Да и не прогреется ничего за полдня...

По телефону, поднявшись обратно и старательно оттерев подошвы ботинок о тряпку, подsunутую уборщицей, он сообщил в Горono о температуре в классах, потом набрал номер приемной исполкома:

– Здравствуйте, запишите, пожалуйста, как председатель исполкома просил: время – восемь тридцать, температура в классах – двенадцать градусов, батареи – холодные.

Через полчаса, видимо, сразу после планерки, подняв на звонок трубку, директор услышал громкий голос председателя исполкома:

– Ну, что там у тебя опять? Я вот на обед пойду, сам пощупаю твои батареи!

В полдень трубы вдруг зашумели, батареи начали нагреваться. К приходу predisполкома батареи были ощутимо горячи.

– Ну? Вот же – горячие. У меня дома холоднее батареи!

– А вы с утра заходите. С утра. Только пораньше. Иначе, узнав о вашем посещении, опять станут батареи нормальные.

– Это как?

– Мы сидим на конце трубы. А перед нами – вон та семейная общага.

– И что?

– А вот то, что там с работы народ приходит когда? В шесть вечера? И как раз тогда у нас отключается тепло. А когда они уходят на работу утром? В восемь-девять. И сразу у нас начинается движение. Ну, может не сразу, чуть позже... Но нам это уже не нужно. У нас за ночь все выстуживается, и утром дети опять – в холодные классы.

– Да не бывает так! Или тепло – или холодно!

– Ну, почему не бывает... Я предполагаю, что просто давления не хватает, и сантехник в общежитии открывает кран в подвале – спускает воду, чтобы ночью его рабочие мужики из постели не вытаскивали. А у нас давление еще падает – и все. Крандец нашему теплу.

– Да, ну-у-у... А давай, завтра я приду. Рано.

– Только, чтобы никто не знал! И... Знаете, я же должен школу закрыть при такой температуре... Мы же нарушаем. Меня санэпидстанция наказать может запросто.

– Погоди, погоди... Будем разбираться.

Назавтра при открытии школы батареи оказались горячими. В девять часов пришел предисполкома, да не один, с целой комиссией представителей коммунальных служб.

– Ну, как? – его лицо выражало готовность «вломить» любому, ответственному за тепло в школе.

– Мы же договаривались, что никто ничего не будет знать...

– Что... Батареи?

– Ага. Горячие.

– Та-а-ак, – повернулся районный голова к сопровождающим его лицам. – И как мне это объяснят? Я вчера здесь лично был – батареи были горячие. Сегодня с утра – горячие. А директор говорит – холодно в классах.

– Это они окна не заклеили, наверное, – вякнул кто-то из-за спин.

– Что? – вскинулся директор. – Вы, что, хотите сказать, что я специально детей морожу?

Он опять повторил свои резоны, но все недоверчиво качали головами и напоказ трогали батареи, которые разгорячились так, как никогда с начала зимы.

Провожая комиссию, директор школы придержал председателя исполкома за рукав:

– Завтра, хорошо? Завтра – без никого, пораньше.

– Пораньше – это во сколько? Я же с семи на работе бываю! – довольно хохотнул городской «хозяин».

– Ну, в семь – это очень рано. А вот часов в восемь, в полдевятого... А?

– Ну, ладно... Попробую, – недовольно махнул тот рукой.

Утром директор пришел пораньше. В семь утра он уже сидел в кабинете, регулярно проверяя рукой трубу, идущую к батарее. Батарея была ледяной. В восемь в дверь вошел председатель исполкома:

– Ну, показывай.

По очереди открыли все кабинеты на первом этаже, прошли, потрогали батареи.

– Ну?

– По-нят-но... Кому-то будет что-то, – задумчиво сказал председатель исполкома и пошел на планерку. А сразу после его ухода вдруг зашумели батареи и опять начали наливать теплом.

А в классах было десять градусов тепла.

Звонок телефона:

– Как у тебя?

– Батареи горячие, температура в классах от двенадцати до четырнадцати.

– Жди шефов, коммунальщиков и тепловиков. Им дана задача: не уйти из школы без решения. Завтра на планерке они мне должны рассказать, что и как решили.

В два часа в кабинете директора школы горели страсти: представители теплосети утверждали, что температуру они подают нормальную, коммунальщики твердили, что никто никуда ничего не сливает, а почему вдруг батареи «включаются» – определить невозможно, представитель шефов – сам родитель школьника этой же школы, сидел с блокнотом, переводя взгляд с одного на другого.

– Ну, хорошо, – прихлопнул ладонями по столу директор школы. – Мужики, а какие же будут рекомендации? Только не говорите мне о возможности спуска воды из обратки...

– Нет-нет! – тут же подскочил «тепловик». – У нас и так по городу утечек полно, не успеваем в систему закачивать и греть!

– Какие могут быть предложения... Можно еще насос поставить в подвале – компактный такой. Но это дорого... И потом, потянут ли батареи, если поднять еще давление?

– Насос, – кивнул представитель шефов и тут же записал в блокнот. – А такие насосы у вас есть?

– Да. Есть... Но тут же система дохлая совсем. Насос врубишь, давление поднимется – рванет все нафиг.

– А зачем поднимать давление? – удивился директор школы. – Нам же главное, чтобы циркуляция началась? Так, давайте, опустим давление в обратке...

– О! Не подумал, ступил... Точно. Поставим насос на обратке, тут же потянет всю школу. Проводка в подвале есть?

– А как же? У нас вся разводка из подвала.

– Ну? Пошли тогда к «голове»?

Через два дня в школу привезли маленький, но увесистый насос, а в выходные дни перекрыли вентили и подключили насос к «обратке». Электрики шефов, матерясь на коммунальщиков, «запустивших все на свете», подключили провода, установили «большую кнопку».

– Ну, директор, включай!

Рев насоса заглушил восторженный мат всех работяг. От вибрации, казалось, гудят стены.

– Эй, чуть снизь обороты! Вон там!

Сантехник смотрел на манометры:

– О! Есть! Набрали «очко»! Хватит, так – хватит!

Уже выйдя из подвала, коммунальщик потихоньку отвел директора школы:

– Я только прошу, выключать насос. Не держать его все время включенным. А то, сами понимаете, общагу мы тогда просто «посадим»... Ладно?

– Договорились!

Директор школы был согласен на все. Лишь бы иметь возможность «подогреть» свою школу.

За выходные, слегка урча, насос прогнал горячую воду по всем батареям...

– Сколько у вас сегодня?

– С утра восемнадцать.

– Ну, кажется, пробились... Живем. Нормально работаем. Нормально. Как положено.

В девять утра – звонок из исполкома, голос председателя:

– Ну, что там у тебя?

– С насосом – хорошо получается. Спасибо.

– Да, ладно. Не для тебя. Для детей все-таки... Там же и мои. Ну, работай.

На какое-то время проблема с теплом была решена.

Булавка

Со звонком на урок директор школы вышел в коридор. Он сразу завел такой порядок: как только звенит звонок, директор и завучи проходят по всем этажам, по всем закоулкам, проверяют начало урока, гоняют прогульщиков-бездельников, а потом пересекаются в учительской и разговаривают свои руководительские разговоры.

Прямо напротив учительской какой-то класс подпирал стены, а учительница с хмуро-недоуменным лицом ковырялась ключом в замке.

– Что у вас тут?

– Да, вот... Забили..., – отодвинулась она от двери.

Понятное дело. Наверное, объявили заранее контрольную работу, вот двоечники и постарались. Делается все просто. На проходе мимо кабинета в замок втыкается спичка и тут же обламывается. Потом еще раз. И все. Вставить ключ больше некуда. А раз дверь не открыть, то и класс не рассадить. А там, глядишь, и контрольной не будет...

Мечтатели.

– Угу. Понятно, – наклонился директор к замочной скважине. – Ну, это у нас просто.

Он сунул руку в карман и выудил оттуда большую булавку. Расстегнул ее, поддел острием одну половинку спички, потом – вторую.

– Дайте ключ.

Замок щелкнул, дверь открылась.

– А зачем вам булавка? – заинтересованно спросил сзади кто-то из школьников.

– А от всякой нечистой силы... Вон, нечистая замок запечатала, а булавка-то и помогла, – хмыкнул в ответ директор, продолжая свой обход по коридорам и этажам школы.

АКТОВЫЙ ЗАЛ

– Ба-бах-х-х! – с потолка посыпалась побелка, вся школа вздрогнула и как будто присела даже. Со скамеек в столовой с визгом вскочили первоклашки. Директор школы, как раз снимавший пробу, отложил ложку, посмотрел на потолок, на часы, встал и пошел на второй этаж.

– Что случилось? Что случилось? – спрашивали выглядывающие из классов учителя.

– Да, ничего особенного... Актальный зал делаем.

Актальный зал в школы был обычный. Большой многооконный высокий зал над столовой. Вся школа была трехэтажной, а здесь, где столовая и актальный зал, помещались всего два этажа, но зато высоких. В зале, как войдешь, так сразу между двумя входами невысокий, по колено, подиум-сцена, на которой когда-то устраивались концерты школьной самодеятельности. А дальше – ряды-ряды-ряды стандартных деревянных стульев, скрепленных по трое. Стулья эти, чтобы не таскали с места на место, прибили к паркетному полу.

Еще дальше, в самом конце зала, слева была маленькая дверца, а посреди стены – две темные амбразуры: там при строительстве школы предполагалась кинобудка, но использовалась она в качестве склада для учителя музыки. В той будке стояли вертикальные штанги, привинченные большими болтами к деревянному полу, но самих кинопроекторов никто из работавших в школе так ни разу и не видел.

А потом случились протечки крыши и прорывы батарей. Случились уборки и общеклассные мероприятия. И лакированного блестящего паркета тоже просто не стало. Местами он был выбит до основания, местами держался, но черный и страшный. Там было так ...э-э-э... непрезентабельно, что даже последние выпускные вечера проводились не в зале, а в школьной столовой, среди запахов пищи, пара и жира.

Еще в свой первый ремонт, который в каждой школе по традиции и по обязанности проводится каждое лето, директор школы думал застелить все пространство актального зала линолеумом. Но тогда пришлось бы сначала обдирать паркет, потом класть что-то вместо него. Выравнивать как-то огромное пространство.

И тогда было принято решение: сделать актальный зал по-настоящему.

Старшим над бригадой был поставлен школьный «музыкант», в помощь ему были приданы несколько старшеклассников, желающих немного подзаработать, а заодно оставить свой след в школе.

– Значит, так... Стулья эти – на свалку. Подиум – туда же.

– Может, на дрова кому сгодится?

– Ну, вывози на дрова. Дальше... Вот, нафиг там эта темная будка?

– Ну, там баян мой лежит, еще кое-что по мелочи...

– А вот смотри, ведь если эту стенку убрать... Вот посюда, примерно... А? Ну-ка, открывай свою каморку.

Киношная будка находилась выше уровня пола актального зала на метр с лишним.

– А? Если вот эту стену – долой, то получаем сцену? Настоящую сцену, с кулисами, и с кладовкой-гримерной вон там, в углу. И выход второй, на улицу – пожарникам понравится. Ну, берешься?

– Не за бесплатно?

– Не за бесплатно!

Постоянная и хорошая связь с «комсомолом» позволяла директору школы в те времена обналичивать практически любые суммы, что и помогло ему в первый же свой ремонт закупить хороший линолеум, практически не продававшийся по безналичному расчету, на всю школу.

Бригада во главе с музыкантом не торопясь, но и не мешкая, очистила зал от всего лишнего и принялась за стену. Каждый вечер после уроков двое-трое человек с молотками и зуби-

лами потюкивали, постукивали, вырубая постепенно кусок плиты длиной метров пять и высотой четыре, обрисовывая контуры будущей сцены.

Директор, открыв дверь своим ключом, вошел в актовый зал и замер на пороге в облаке пыли.

- Фу-у-у... Что тут у вас?
- Она упала! Мы тут всего две арматурины перерубили, она и завалилась сразу!
- Черт! Ведь чуть потолок в столовой не рухнул!
- Да, кто ж думал...
- Все живы-здоровы?
- Да. Вот, глядим, что дальше.
- А что дальше? Дальше – выносить. Дробить – и выносить.

Ломами, зубилами, старым топором кусок стены разбивали в щебенку и ведрами постепенно вынесли из актового зала. Одновременно зачистили остатки стены, торчащие острыми зубами вокруг образовавшейся сцены.

- А что, пока неплохо получается, правда?
- Что с полами-то делать будем? Паркет же тут не восстановить уже...
- А какие идеи?
- У меня есть знакомый художник... Могу позвать.
- Давай!

Художник, поглядев на изуродованный водой, а потом падением стены пол, предложил решение простое и элегантное: вся поверхность актового зала зашивается фанерой-десяткой встык. Швы проклеиваются и шпаклюются. А потом поверх разрисовывается рисунок наборного дворцового паркета с цветными фигурами. А еще позже, когда все подсохнет, сверху все заливается в три слоя прозрачным лаком.

- Это дорого, но зато надежно!
- Дорого... Значит, придется опять идти к шефам.

Все выделенные по смете лимиты на ремонт были израсходованы ранее, и только помощь безотказных шефов, которым было сказано, что зал в школе будет лучшим в районе, помогала продолжать ремонт.

- Но – лучшим? – строго спросил директор шефствующего предприятия.
- Точно! Настоящие художники работают! Такого ни у кого нет.
- Ну, жду тогда приглашения на открытие...

Через два месяца постоянного стука, ядовитого запаха от красок и лака, директор принимал работу. Он стоял посередине огромного пустого зала, ставшего еще больше из-за отсутствия старого подиума, смотрел на новые светлые шторы, разлетающиеся от ветра, дующего в окна, на «царский паркет», просвечивающий сквозь застывший в камень прозрачный лак, на высокую и глубокую сцену, над которой музыкант уже установил светильники...

- Хорошо. Ну, хорошо, ведь, а?
- Да. Это – зал. Вы молодцы... Это здорово, это – лучше всех!

«Прогульщица»

Звонок в дверь оторвал директора школы от семейного ужина. Жареная картошка, черный хлеб, пара котлет... Он недавно только пришел из школы, чуть охрипший после уроков и после своего исторического кружка, мокрый, как мышь.

– Ешь, ешь, я открою, – бросила жена.

Встала, щелкнула замком, открыла дверь на традиционно темную лестничную площадку, всмотрелась.

– Это к тебе...

– Ну, так, пусть заходит, что ли.

– Нет-нет, – раздалось с лестницы. – Лучше вы выйдите, а то она убежит!

Директор отложил вилку с наколотым уже куском котлеты, вытер губы и в тапочках переступил через порог.

– Она пришла! Пойдемте скорее к нам! Она пришла и может опять пропасть!

Это было время, когда в школы приходили молодые учителя. Их направляли в городской отдел народного образования, а оттуда распределяли по школам. Пришли три молодые симпатичные учительницы и в его школу. Одна – на начальные классы, одна – рисование и труд, одна – математик. Три подружки получили две комнаты в общежитии, где уже жило три учителя других школ. Общежитием называлась стандартная трехкомнатная квартира, в каждой комнате которой стояло по две кровати.

И все было хорошо. Первые месяцы. Но потом закрутилось, завертелось, навалилась рутина и ежедневный труд. Девочкам было сложно.

А у математички еще и что-то с личными отношениями, которые только-только начались у нее в нашем районе, да вдруг сразу и закончились. И с длинных зимних выходных она просто не пришла в школу. И на второй день не пришла. Соседки сказали, что она исчезла. Пропала неизвестно куда. Вещи все на месте, а самой ее нет. Уехала куда-то. То ли к маме, то ли к мужику этому, то ли просто загуляла с тоски и остановиться не может.

Это же так знакомо: загулять, а потом просто не идти учиться, или не выходить на работу, уже по инерции, просто потому что выйти – страшнее, чем продолжать пить...

Неделя.

– Да, увольняйте вы ее! Прогулы есть прогулы, по какому бы поводу они не случились!

– Во-первых, уволить даже за прогулы молодого специалиста не так уж и просто. Можно, конечно. Я смогу. Но вы уже придумали, кто будет вести ее уроки? И вообще: что, она была очень плохим учителем?

– Ну, нет. Не сказать – плохим. Она была молодым учителем. А знаний у нее много. Вон и диплом, какой хороший, – неуверенно покивала завуч. – Да и уроки, вроде, неплохие. Я смотрела.

Директор каждый день заходил в классы к подругам исчезнувшей, кивал вопросительно издали при встрече. Те разводили руками и мотали головой – нет, не появлялась. Каникулы кончились. Надо было что-то решать.

И вот перед ним приплясывает в нетерпении невысокая спортивная молодая учительница, заглядывая в глаза: что делать?

– Беги обратно. Беги, пока она снова в загул не ушла. Сиди с ней, разговаривай, тормоши, про школу рассказывай, про детей. Я сейчас. Напомни только номер квартиры.

Директор школы быстро оделся и почти бегом выскочил из дома на темную морозную улицу. Через парк по расчищенной аллее, направо, потом налево к старой пятиэтажке, в темный подъезд, вверх, на четвертый этаж, стукнуть в дверь легонько.

Дверь тут же открылась:

– Она на кухне. Сидит там без света, и никого видеть не хочет, – прошептали в темноте. С кухни раздавалось какое-то негромкое бубнение. С подругой пытались поговорить.

Директор выдохнул, толкнул кухонную дверь, тихо вошел.

– Сиди-сиди! Куда кинулась? Ну, не будешь же со мной драться?

Вскочившая «прогульщица» послушно осела обратно. Она сидела в темном углу на полу у батареи, на корточках, скорчившись, обхватив руками ноги.

– А вы, девочки, идите пока в комнату. Идите. Я к вам потом зайду.

Дождавшись, когда закроется дверь, он осторожно присел рядом со своей учительницей.

– Ну, что с тобой теперь делать будем?

– Не знаю, – пустым и пыльным голосом прозвучало в ответ. – Увольняйте...

– Да, это легко, в сущности. А дети?

– Они меня не любят, – прошептала с обидой из темноты.

В темноте ей было легче, потому что не было видно глаз.

– А ты? Ты их тоже не любишь?

– Не знаю...

– Ты же хотела в школу... Помнишь, как хотела?

– Дура была, – просто как дуновение сквознячка.

– Почему сразу – дура? И я дурак, выходит?

– Вы директор...

– А ты – учитель! Вот, не будет директора. Даже не неделю – месяц не будет. И ничего в школе не случится. Потому что не директор ведет уроки, не директор смотрит в глаза детям, не директор разговаривает с ними, учит их, воспитывает, любит... Директор – это ведь просто администратор! А учитель... Учитель – это призвание. Вот, ты, когда училась в институте, тебе нравилось?

– Да, очень.

– А на практике? На школьной, на уроках?

– Нравилось.

– Так, работа – она же такая же! Только часов побольше, уроков. А ученики те же самые. И предмет тот же. Мне завуч говорила, что у тебя знания хорошие.

– Что, правда? – наконец-то повернула голову.

– Конечно, правда! Зачем мне врать? И дети спрашивали, когда появишься. Я сказал, что болеешь еще.

– Я не болела. Я прогуляла.

– За прогулы накажу. Это как раз моя функция. А дети все равно ждут...

– Я не могу к детям. Мне стыдно...

– А мне не стыдно? Я принял учителя, дал ему детей, доверил, можно сказать. Я поддерживал всегда. Не ругал.

– Вы мужчина..., – совсем тихо, почти неслышным шепотом. – Вам легче...

– А завучи – женщины. А учителя в большинстве – женщины. А подружки твои, с кем приехала – они мужики, что ли? Эх-х-х... Дура-дурой.

– Ага. Дура. Поломала себе все...

– Да не все. Не поломала еще. Только собираешься. Давай так. Завтра... Да, да – завтра. И не мотай головой, я все равно в темноте ничего не вижу! Завтра ты сама придешь ко мне в кабинет. Утром, с девочками. И мы поговорим там. Уроков завтра я тебе не ставлю. Походим, посмотрим. Сходишь в библиотеку, там посидишь. С завучами поздороваяешься. Детям покажешься. Предупредишь, что выходишь, чтобы учебники несли.

– Но я же...

– Ага, ты же. А я? Слушай сюда, девочка: мне в школе нужен учитель. Ясно? Ты, как говорят, можешь стать хорошим учителем. Вот ты мне и нужна. Если ты хочешь поломать мне все планы – беги опять. Только помни, что ты не сама гуляешь, а срываешь учебу детям и срываешь весь процесс мне. И мне потом еще и тыкать будут наши «старослужащие», что слишком много воли вам давал... Вот ведь... Она же... Не может же... Тьфу! Зав-тра. Ут-ром. Ко мне. Ругать буду и песочить. И выговор напишу. Это обязательно. И приказ дам подписать с этим выговором. Но чтобы послезавтра уже пахала, как та лошадка! Еще и факультативов накидаю – а то, гляжу, нечего тебе делать по вечерам, вот и бесишься со скуки!

– Я не со скуки, – жалобно-плаксиво протянула она.

– Со скуки, со скуки. А в школе тебя ждут... Идти туда надо, где ждут. Правда, ведь? Всё, – директор встал, глянул сверху. – Пойду, посмотрю, как вы тут живете, чего вам не хватает. А ты посиди тут еще, посиди. А завтра – ко мне на ковер. Ага?

– Ага-а-а...

Он прикрыл аккуратно за собой дверь кухни, еще минут двадцать поболтал с девчонками в их комнате, в напряжении прислушиваясь, не хлопнет ли вдруг входная дверь, не пробежит ли опять она вниз по лестнице – и неизвестно куда. А потом медленно-медленно пошел домой, ловя лицом редкие снежинки.

Дома было уже темно. Все давно спали. На кухне ждала сковорода с холодной картошкой и куском котлеты.

«Что сразу выгонять-то?»

– Вот, вот, смотрите! – завуч по внеклассной работе дергала школьника за рукав, но сдвинуть его с места не могла.

– А чо я, чо я-то... – гудел басом огромный и неповоротливый восьмиклассник, выглядевший гораздо старше своих лет.

– Это же до смертоубийства скоро дойдет! Как же можно!

– Да, а что я... Они сами – первые...

– Кто – первые? Кто – вторые? И вообще, что случилось? – директор с интересом смотрел на эту сцену. Этого парня он уже знал, как очень слабого ученика, но на поведение его обычно не жаловались.

А случилось интересное. В школе верховодили выпускники, которым осталось до выпускного бала отучиться всего два месяца. Среди выпускников же выделялась поведением компания спортивного вида ребят, которые дружно ходили в секцию каратэ, только второй год открыто работающую в городе.

Дети директоров и командиров, прямой дорогой идущие в престижные ВУЗы, снисходительно посматривали на окружающую «мелочь» и не спускали никому обид. Сплоченная совместными спаррингами компания из пяти «каратистов» пыталась верховодить в школе.

Конечно, если бы они попались новому директору... Но они не попадались. Все разборки проходили где-то за школой, за мусорными баками, на краю оврага. И никто никогда ничего – и никому... То есть, директору школы говорили, что вот те выпускники замешаны в драке... Кажется. Но жалоб официальных не было.

И вот, привели восьмиклассника, который внезапно дал отпор этой команде.

– Вы понимаете, он же убить мог! Он же просто зверь какой-то!

– Все понятно. Вы его мне оставьте, а сами идите пока, уроки отслеживайте. Мы тут побеседуем, – со значением произнес директор.

– Хорошо-хорошо, – понятно кивнула завуч и прикрыла за собой дверь.

– Ну, герой, давай, рассказывай...

– А чо я? Как чо, так меня? Теперь выгонять будете? – бурчал, не поднимая головы здоровый мужичище, спрятав за спину красные мосластые руки.

– Да, ладно тебе! Давай, рассказывай, чего вы там не поделили?

– Ну, я шел, а они там пихаются... Всех распихали, а меня не смогли...

– Ну, ну, – заинтересованно подталкивал директор.

– Ну, ругаться тогда стали...

– А ты?

– А чо я-то? Они первые!

– Ну, хорошо. Они первые тебя обругали. А ты?

– Ну, и я – их.

– Сколько их было?

– Пятеро. Они всегда так ходят...

– И ты пятерых, значит, послал? Герой..., – уже смеялся в открытую директор.

– Чо сразу – герой-то? А чо они толкаются? – на одной басовой ноте, как шмель, толкающийся в запертое окно, гудел восьмиклассник.

– Ну, ладно, ладно... А потом, что?

– Потом, говорят мне, пошли, выйдем. Ну, я и пошел...

– И не страшно было?

– А чо тут бояться?

– Кхм... Все же их боятся? Они ж каратисты там, и прочее...

– Да? Не знал я.

– И что там?

– Ну, вышли на овраг, один вышел, крикнул, как врубил мне... Больно. Синяк будет. Я говорю, ты дурак, чо ли... А он – еще раз!

– А ты?

– А я чо – их пятеро ж... Ну, подхватил с земли, что попало, да и... Вот.

– По голове? – с опаской спросил директор.

– Чо я, совсем дурак, чо ли? По плечу. Ну, он сразу и свалился, за плечо держится, орет... Я уходить, а тут завуч меня за рукав. И к вам. Вот...

– Герой, герой... Что ж делать-то с тобой?

– Не выгоняйте. Мне документ нужен. Меня на работу не возьмут без аттестата.

– Не аттестат – свидетельство, – поправил директор. – Хотя, без разницы. Давай-ка так: ты иди к себе в класс. Иди и учись. К экзаменам готовься. Только не лезь больше в драку, хорошо?

– А чо я? Они первые же!

– А с ними я сам переговорю. Сегодня же.

– Ну... Я пошел, да?

– Иди, иди. Учиться иди.

А потом завуч приводила тех парней-выпускников. По одному. И с каждым директор имел не длинный, но обстоятельный разговор. Суть разговора была проста: хочешь аттестат и характеристику? Хочешь? Замри. Забудь свою гордость и отвагу, свое показушное мушкетерство и свое каратэ. В школе драк не потерплю.

– А как же этот, – тыкали они в сегодняшнее событие. – Он же...

– Вас, десятиклассников, было пятеро. Он – один. Вопросы? Или мне еще с вашим руководителем секции поговорить о том, как пятеро каратистов сбежали от одного восьмиклассника?

– Дак, он же – кирпичом!

– И правильно сделал. И молодец! Вас же было пятеро!

...И на какое-то время стало тихо в школе. А главный заводила дома сказал, что поскользнулся и упал. Врач нашел обширную гематому с ушибом кости. Ничего, походил с рукой на перевязи, а к экзаменам выздоровел.

...И хитрить приходилось, а как же!

Кабинет физики был на третьем этаже. Крашенные синей краской столы были прибиты жестяными скобками к полу, и по полу же в трубке были протянуты провода к каждому ученическому месту. Перед каждым столом – две розетки. Вернее, должны быть две розетки, но их нет, и были ли они при открытии – никто уже не помнит. В оставшиеся стоять металлические трубки, из которых должны были выходить провода к розеткам, ученики запихивают фантики и жвачку. А скобки, которыми столы должны быть прибиты к полу, давно оторваны, еще в первый год, когда пришел этот директор и тут же застелил всю школу линолеумом, взявшимся буквально ниоткуда (в других школах его просто не видели).

Директор школы сидел за последним столом, в углу, и посматривал на учителя физики, который вел урок в восьмом классе. Директор уже третий раз за этот год посещал физику. И завучи тоже ходили. Но все равно шли рассказы по школе, как «физик» мог взять длинную чертежную линейку в полтора метра и хлопнуть кого-нибудь из сзади сидящих и мешающих уроку. При администрации он этого, конечно не делал... Но ведь было, было. Источники пользовались доверием. Ладно бы еще учитель был отличным, а уроки – интересными. Так нет – простое пересказывание учебника и решение задач.

После звонка они остались: директор за ученическим столом, физик – на подиуме, за шикарной кафедрой и столом для опытов. Посмотрели друг на друга, поулыбались нейтрально.

– Ну, что сказать..., – поднялся директор. – Вроде, все по учебному плану. Все – по программе. Но, знаешь, как-то вот не интересно. Скучно и серо как-то.

Физик с первого дня начал «тыкать», так у них и повелось, что один на один всегда обращаются на «ты».

– А-а-а! Ты тоже заметил? А это, потому что администрация не обращает внимания на кабинет физики! Я же не могу проводить почти никакие эксперименты!

Вся фигура физика, хоть и пожилого, но крепкого и массивного мужика, выражала скорбь по этому поводу.

– Вот если бы к столам была проводка... Если бы был подключен учительский комплекс с оценками, если бы... Да-а-а... А так я только и могу, что задачи решать, к экзаменам готовить.

– Но я заметил, что и задачи, знаешь ли... Не все могут...

– Вот именно! Не все могут! Значит, не всем дано! И не надо на них тратить свое время! Зато я смогу подготовить несколько настоящих «физиков», которым их знания помогут на экзаменах!

«Да», – подумал директор. – «Этого так просто не пробьешь. Недаром говорили мне – этого не уволишь...»

Он спустился к завучам, корпевшим над очередным изменением расписания в связи с гриппом у учителей.

– Ну, как?

– Как, как... По программе. По учебнику. Скучно... Надо что-то делать. Ладно, я еще подумаю..., – и он пошел в свой кабинет, закрывшись в котором можно было обдумать, что и как сделать, чтобы убрать еще одного учителя без скандала.

В Гороно велась статистика текучести кадров, и он помнил, как раньше спрашивали всего за трех-четырёх уволенных учителей. Мол, вы их не приглашали сюда, вы не мучились, чтобы учителей уговорить к вам идти... Сейчас-то все по-другому, к нему просятся люди, да вот места – заняты. Надо расчищать.

Стук в дверь:

– К вам можно?

Бывший выпускник.

– О! Какие люди! Как у тебя дела? Садись, рассказывай!

– Ну, как дела... Не очень. Не сдал я.

– Да, это неприятно... И что теперь?

– Работать надо. А мне – семнадцать... Я слышал, у вас есть место лаборанта?

– Лаборанта-а-а? Хм... А двух – не хочешь? Вернее, полтора? А то зарплата там маленькая больно. Будешь лаборантом в кабинете физики и на пол-ставки – химии. Потянешь?

– Да мне как раз и химия нужна... Подтянуть как раз ее к лету.

– Значит, договорились. Пиши заявление на мое имя. Завтра тебе на работу к восьми часам...

– А почему к восьми?

– Уроки начинаются в восемь-тридцать, а ты – лаборант. Должен все подготовить. Так что вместе со мной будешь приходить. Ага... И вот еще что. Напиши-ка мне служебную записку от имени лаборанта уже, чтобы провели инвентаризацию имущества в кабинете физики и химии. Нет, только физики – ты же именно там на полную ставку. А то, если потом увольняться, что с тебя спросить можно? Написал? Ну, до завтра!

Директор пожал парню руку, а сам с двумя бумажками поднялся опять к завучам:

– Поздравляю, девушки. У нас новый лаборант. И неглупый. Просит провести инвентаризацию в кабинете физики. В комиссию кого-то из вас, учителя химии, потому что у нее тоже есть подобный кабинет, лаборанта. Акт мне потом подробный принесете. Приказ я сейчас напишу.

На другой день после уроков директор школы зашел в лаборантскую кабинета физики. Там комиссия описывала имущество, все шире и шире открывая в удивлении глаза, а учитель, как будто хвастаясь, вытаскивал из-под стеллажей новые и новые ящики.

– Вот это – оборудование физического кабинета. Гарнитура там вся, тройники, розетки и прочее..., – он вытер пот, щелкнул запорами, открывая ящик. – Вот, даже не распакованное. Но это еще не всё!

Он полез куда-то в темный угол и вытащил волоком еще один такой же – полную копию – ящик.

– Вот. И еще на один кабинет. Когда школу только достраивали, я как раз мотался за оборудованием. Ну, вот, – скромно повел он вокруг рукой. – Запасы, значит...

– Ого! А вон, наверху – это что?

– В тех ящиках? Комплекс для электронного опроса учеников. Там пульт учителя и по пультику на каждое рабочее место. Задаешь задачи, а они только тумблерами ворочают. И тут же видишь оценку каждого...

– А в шкафах?

– Наглядные пособия. Даже и не распакованные. У меня все хранится, как надо!

– А в «темной» комнате?

– Там провода, клеммники, макет электронно-лучевой трубки, разные макеты приборов, полный набор вольт-амперметров на весь класс...

– Ну, ты молодец, просто молодец..., – директор со значением поглядел в глаза завучу и вышел из лаборантской.

Потом был длинный разговор с завучами до вечера.

А на следующий день учитель физики принес заявление об увольнении по собственному желанию.

– Что случилось-то? Вроде, не ругались мы с тобой? Вон, лаборанта даю...

Тот склонился над столом, ловя глаза директора, и вполголоса, оглядываясь на дверь:

– Бойся своих завучей, ох, бойся... Ох-х-х... эти тетki, слушай... Они тебя точно подведут. Ты знаешь, они же меня подвели практически, а теперь тебя подведут. Они же разболтали

езде, что у меня, мол, горы материалов для кабинетов физики, а в районе ничего этого нет. Не поступало, вроде. Там уже, говорят, Гороно подключилось... Милицию, говорят, тоже... В общем, давай по-быстрому и по-тихому, и я уеду будто на дачу, пока шум не прекратится. Но если что, я за тебя. Слышишь? Только позови! Но сначала завучей своих, теток вредных – уברי!

Никакого шума так и не было, в Гороно ничего не узнали. Только удивлялись все: «Как это вы смогли с ним расстаться? Мы уж думали, он там до смерти будет работать... До смерти очередного директора. Хи-хи-хи...».

А еще через полгода директор и бывший учитель встретились на автостанции, где бывший физик «таксовал» потихоньку, подкалымливал к пенсии развозом пассажиров.

– Подвезти?

– Да, мне же недалеко... И неудобно...

– Поехали, поехали! Ну, как ты там с завучами своими? Держись еще? Держись! И воли им не давай! Вот ведь, вредные какие тетки!

Он подвез бывшего своего директора прямо к порогу дома и не взял денег:

– Но, если что – только позвони. Я тут же приеду. Я – за тебя!

«Плохое отношение»

После уроков в кабинет директора школы, постучавшись в дверь, проскользнула председатель профсоюзного комитета.

– Я должна вас предупредить, что завтра мы собираем комиссию по трудовым спорам...

– Ну, собирайте. Разрешение мое требуется, что ли?

– Нет. Просто мы вас приглашаем на комиссию.

– А что у нас за спор? – заинтересованно поднял голову от бумаг директор.

– Жалоба на вас. Вот, разбираться будем...

– Угу. И мне, конечно, вы эту жалобу не покажете. Так?

– Не положено. Вы же понимаете.

– С кем хоть спорить-то буду?

– С И.

– Так, я же вроде, ничего такого... Ну, ладно, впрочем. Раз комиссия, значит – комиссия.

Во сколько завтра?

– Часа в три вам удобно будет?

– Записал. Завтра в три – на комиссию.

Назавтра, постояв в два часа у выхода и проводив учеников после шестого урока, директор поднялся на второй этаж, где в одном из кабинетов заседала комиссия по трудовым спорам. Председатель профкома, завуч – от администрации, пожилая учительница – от профсоюза. Вот и вся комиссия. За одним из столов уже сидела учитель начальных классов.

– Итак, коллеги, нами получена жалоба на действия директора школы, – поднялась председатель профкома. – Правда, в ней почти ничего конкретного нет. Просто просьба о разборе жалобы на комиссии. Прошу разъяснить, что именно вы хотели бы обжаловать.

Теперь поднялась учительница. Худощавая, высокая, но какая-то серая, блеклая. Тусклым голосом, не глядя по сторонам начала перечислять:

– Директор ко мне плохо относится... Он ходит ко мне на уроки, и я чувствую, что ему не нравится... Он не улыбается, как всем, когда разговаривает... Он...

– Постойте-постойте, – перебил директор. – Давайте по пунктам, хорошо? Мое плохое отношение в чем проявляется? Что я не так делаю? Ругаю вас?

– Нет, не ругаете. Но смотрите так... В общем, нехорошо так на меня смотрите.

– Ох-х-х..., – подпер директор голову рукой.

Ну, да. Смотрел, было дело. Ему стало известно, что она кричит на своих первоклашек, толкает их, может и щелбана в лоб засандалить... Вот и стал присматриваться.

Но ведь ничего не сказал даже!

– Я не поняла, – вмешалась завуч, строго посмотрев поверх очков. – То есть, вы не можете комиссии предъявить факты плохого отношения к вам?

– ...Ну, как вы не поймете... Он же так посмотрит, что работать просто не хочется иногда...

– А что там с уроками?

– Ну, был я на ее уроках два раза. Так, это в мои обязанности входит. Это если я ходить по урокам не буду – значит, плохо работаю!

– И как? – заинтересовалась пожилая и заслуженная. – Как вам ее уроки? Ругали, небось?

– Да ни разу! Вот спросите ее, спросите сами...

– Вот именно! Вы ко мне на уроки ходили, а ничего так и не сказали! Значит, не понравилось ничего, так? – покраснела «жалобщица». – Как мне работать, если зайдет, посидит, поморгает, посмотрит – и уходит! Что мне теперь думать?

– Ну, голубушка..., – улыбнулась завуч. – А директор и не обязан каждый урок разбирать. Он же не методист, знаете ли. Он – администратор! Он – контролер. Вот так.

– Я так понимаю, – вмешалась председатель профкома, до того лишь поворачивавшая голову налево и направо и слушавшая начавшуюся перепалку, – что вы нам ни одного факта плохого к вам отношения не предъявите. Да?

– Ну, как же... Я же и говорю: директор ко мне относится не так, как к остальным. Он хуже относится. Я так работать просто не могу...

– Что ж мне теперь, вприсядку перед ней плясать, веселить ее и хвалить все время? Так, что ли? – уже взъярился директор.

– Тише, коллеги, тише... В общем, так. Я думаю, комиссия меня поддержит. Жалоба, грубо говоря, выведенного яйца не стоит. И зря ты, милая, жаловаться стала. Было бы на что...

– Как это? То есть, профсоюз мне не поможет? Но как же мне теперь в этой школе работать?

– А это уже ваши проблемы. Но не думаю, что директор после этой комиссии станет к вам относиться лучше, – язвительно выговорила завуч и встала. – Мне пора, извините. Надо еще внеклассную работу проверить.

На следующий день у директора на столе лежало заявление с просьбой об увольнении.

– Хм... Мы найдем ей замену? – спросил он у завуча.

– Конечно! Давно готовим!

– Значит, отпускаем без скандала?

– Пусть с ней скандалят в другой школе! Наше счастье, что родители ни одной жалобы не написали!

– Ну, так и решим..., – и директор подписал в уголке: «Не возражаю. В приказ».

Не царское дело...

– Здравствуйте!

Ноги в брючках и туфельках ловко переступили через банку с краской.

– Здравствуйте, – не поднимая головы, ответил директор школы. Ему было некогда отвлекаться. Он вел трехцветную линию по краю лестницы с третьего этажа на первый.

– Здравствуйте!

А сейчас – юбка и сандалии.

– Здравствуйте!

О, мужички подтягиваются: костюм и грубые полуботинки.

– Здравствуйте!

И остановилась.

– Здравствуйте, здравствуйте, – посторонился, пропуская мимо себя, директор школы. Но ноги никуда не двинулись.

– Что это вы тут делаете?

Завуч стояла над ним и глядела растерянно на грязную спецовку, руки в краске, банку, кисточку, которая уже набила мозоли на двух пальцах.

– Как – что? Ремонт...

– Неудобно же! Учителя идут, а вы – тут!

– Чего же неудобного? Их обязанность – вовремя прийти из отпуска. Моя обязанность – приготовить школу к учебному году. Вот мы все и выполняем свои обязанности, – недовольно пробурчал директор и снова опустил голову.

Впереди были еще три лестницы, а завтра уже надо будет проводить первый педсовет...

Литература в школе... А для чего она?

– ... Вот скажите, а какой смысл в требовании выучить именно шесть стихотворений? Я не нашел такого требования ни в одной методичке..., – директор школы искренне пытался разобраться в программе и методике, походив по урокам.

– Ну, как же! Во-первых, это заставляет учеников читать! Читать, понимаете, автора, а не учебник! А во-вторых, это прекрасно тренирует память! – сверкала золотыми очками заслуженная и много проработавшая «русистка».

– Память? – ошарашено переспрашивает директор. – А что, теперь и памятью на уроке литературы заниматься должны?

– Конечно! Это же межпредметные связи! Мы учим запоминать, математики учат логике, а потом они у вас на истории лучше учатся! – победно тряхнула та желтыми кудряшками.

– Хорошо... Лучше на истории – это хорошо. Ну, насчет чтения я спорить с вами не буду, хотя признаюсь, что «Войну и мир» прочитал только в армии, и убежден, что Толстой писал этот роман не для шестнадцатилетних подростков, жизни не нюхавших... Нет-нет, постойте, не перебивайте! И «Обломова» я прочитал только в двадцать лет. И поэтому мне этот роман понравился, в отличие от всего, что мы «проходим» в школе из-под палки. Кстати, об «Обломове». Я как раз на этом уроке у вас сидел.

– Да, тот урок прошел активно, интересно, – выпрямилась учительница.

– ...А скажите, это такое указание, да? Чтобы говорить, что Гончаров там развенчал и показал, и поиздевался над «обломовщиной» и так далее?

– Не понимаю, о чем вы?

– Ну, как же... Оценку какую дали вы роману и героям?

– Так это устоявшаяся оценка, вековая, можно сказать!

– И что, Обломов и, правда, отрицательный типаж? А мне казалось, что он – заглавный герой, что Гончаров его описывает с любовью, с нежностью, что Обломов в романе герой исключительно положительный...

– Но ведь, Добролюбов...

– Вот видите! Не Гончаров, а Добролюбов! И выходит, что не роман «Обломов» вы объясняете, а статью Добролюбова об этом романе... А для Гончарова Обломов – хороший человек, положительный герой, имя которого он выносит на обложку романа. Ведь не «Штольц» назван роман!

– Что же мне теперь, объяснять, какой Обломов хороший? И что потом выпускники получают по сочинению, если так напишут?

– Хорошую отметку. Если напишут грамотно и если покажут знание романа. А у вас они знают статью Добролюбова о романе. А сам роман... Хотя, я уже говорил, что лично я роман этот прочитал в двадцать лет, и потом даже перечитывал... Я, поймите, не критикую вас или вашу методику... Я сам разобраться хочу, чтобы понять. А если уж я не понимаю, то что могут понять школьники? Или опять – на заучивание всё? Мне же казалось, что одна из основных задач предмета «литература» – приучить к чтению, научить любить чтение, научить любить родную литературу... Но это уже в дебри... Извините. В общем, урок у вас был хороший, опыт у вас такой, думаю, что вы в любой аудитории его проведете. Моя просьба только одна: поменьше на заучивание, побольше – на понимание. Вот и все. Спасибо.

Учительница вышла, прямая и гордая, а завуч, сидевшая в углу, подняла голову и прошептала:

– Все равно ее уже не переделать. Она вас понимает, умная она, но... Работа такая...

Гражданская оборона

– Сегодня между вторым и третьим уроком у нас будут учения по гражданской обороне, – сообщила директору школы завуч, положив трубку телефона.

– Это еще что за? – удивился тот всем лицом.

– Да, это раз в год всегда бывает. Там надо бумаги подготовить, планы распечатать, а еще устроить учебную «тревогу» и вывести учеников из школы. Но это не долго. Минут на десять, чтобы зафиксировать, что эта «учебная тревога» была.

– Угу. Это и маленьких по лестницам гнать? И среднюю школу? И потом что – домой отпускать? Урок сорвем, настроение «исправим» до невозможности. И следующий урок – не урок будет... Так?

– Да, все так, – согласилась завуч. – Но придется. Там от них проверяющий будет. Ну, вы его знаете, он живет тут по соседству. Вот, к нам придет, проверит, а потом сразу на обед...

– Ну, давайте так сделаем: предупредим старшие классы, и только их выведем. Бегом-бегом по лестнице, во двор школы, там покажем проверяющему – и обратно. А с бумагами даже и не знаю... Некогда мне этим заниматься. А, давайте, так сделаем. Мне в любом случае в Гороно надо будет сходить. Вот я и пойду как раз в это время. А вы проверяющему скажите, что все материалы по гражданской обороне – у директора в сейфе. Не будет же он сидеть тут до вечера?

– Шум будет... Обязательно.

– А вот это уже будут мои проблемы. В общем, решили? Тогда – по урокам. И не забудьте предупредить старшеклассников!

Через три дня директора школы пригласили на заседание исполкома, посвященное работе районного штаба гражданской обороны.

На этом заседании отчитывался начальник штаба, который был в структуре исполкома, и в ходе отчета по итогам проверки указал на школу, в которой не показали никаких документов, а по учебной тревоге вывели из школы только старшеклассников.

– Та-а-ак, – краснея на глазах, взвился председатель исполкома. – Чем теперь будете объяснять свое бездействие? А если что случится – вы даже детей из школы не выведете?

– А если что случится, – громко и отчетливо произнес директор школы, – то и выводить никого не придется.

– Это как?

– Вон, смотрите, – кивнул директор на объемный макет центра города, стоящий на столе. – Сразу через овраг от нас мясокомбинат. А вот те блестящие штуки – это аммиачные колонны. Холодильники мясокомбината от них запитываются. ...Я все правильно говорю? – обернулся он к начальнику штаба ГО.

– Ну, так, да... И что с того?

– Ваш норматив для выхода всех детей из школы – пятнадцать-двадцать минут. Это бегом, сшибая на лестницах друг друга, калечась... А теперь скажите, сколько минут будет идти до школы облако, если эти колонны вдруг взорвутся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.